

Ноам Хомский. Как устроен мир

[Ноам Хомский](#) – американский лингвист, политический публицист, философ и теоретик, автор классификации формальных языков, называемой иерархией Хомского. Помимо лингвистических работ, Хомский широко известен своими леворадикальными политическими взглядами, а также критикой внешней политики правительства США. Сам Хомский называет себя либертарным социалистом и сторонником анархо-синдикализма. На русском языке вышло [немало](#) его книг.

С первых же страниц книги Хомский обрушивается на политику США. Да так яростно, что я даже не знал, что и думать. Свободного рынка не существует, поскольку мировую экономику захватили корпорации – зависящие от субсидий государства. Внешняя политика США нацелена прежде всего на изменение окружающего мира в их собственных интересах. Они используют военные и финансовые средства даже в тех регионах, где у них нет особых экономических интересов. Внутренняя политика США направлена на удержание в повиновении населения и на перераспределение доходов в пользу крупных частных собственников. С ним многие не согласны. Чью сторону принять – решать вам.

С критикой Ноама Хомского очень созвучна книга Чхан Ха Джуна [23 тайны: то, что вам не расскажут про капитализм](#).

Ноам Хомский. Как устроен мир. – М.: АСТ, 2014. – 448 с.

Защитить свою лужайку. Отношения с другими странами США поддерживают, разумеется, с самого начала американской истории, но водоразделом послужила Вторая мировая война. Большая часть наших индустриальных соперников либо сильно ослабели, либо были полностью уничтожены войной, тогда как США получили от нее колоссальный выигрыш. Наша национальная территория не подвергалась нападениям, а производство выросло в три с лишним раза. Даже до войны, еще с начала века, США являлись индустриальным лидером мира, сильно опережавшим конкурентов. Теперь в наших руках находится практически 50% мировых богатств.

Люди, определявшие политику США, прекрасно понимали, что страна выйдет из Второй мировой войны первой в истории мировой державой, поэтому на протяжении войны и сразу после нее тщательно планировали устройство послевоенного мира. Поскольку мы остаемся открытым обществом, то имеем возможность ознакомиться с их планами — весьма откровенными и ясными.

Желающие понять свою страну не должны пройти мимо «Исследования по планированию политики № 23»,¹ составленного Кеннаном для планировщиков Госдепа в 1948 году. Вот что там, в частности, говорилось: «Мы располагаем 50% мировых богатств, но только 6,3% населения... При таком положении мы неизбежно превращаемся в объект зависти и негодования. Наша истинная

¹ Мне не удалось найти этот документ в Интернете. – Прим. Багузина

задача в предстоящий период — разработать такую систему отношений, которая позволит нам сохранять это неравенство... Для этого нам придется расстаться со всякой сентиментальностью и фантазиями; наше внимание повсюду должно быть сконцентрировано на наших непосредственных национальных задачах... Нам надо прекратить разговоры о туманных и... нереальных целях, таких как права человека, улучшение жизненных стандартов, демократизация. Недалек тот день, когда нам придется прибегнуть к грубой силе. Чем меньше нам будут мешать в такой момент идеологические лозунги, тем лучше».

«Большая зона». Во время Второй мировой войны рабочие группы Государственного департамента и Совет по международным отношениям чертили схемы послевоенного мира, представляя его «Большой зоной», подчиненной нуждам американской экономики. Третьему миру определялась его «главная функция источника сырья и рынка» для индустриальных капиталистических обществ.

Сильнейшим препятствием на этом пути было антифашистское Сопротивление, вот мы и принялись подавлять его по всему миру, часто заменяя его пособниками фашистов и нацистов. Порой это требовало насилия, но порой хватало мягких мер, вроде нарушения хода и результатов выборов и сокрытия продовольствия, в котором существовала острая нужда.

Американские планировщики признавали, что «угроза» Европе — это не советская агрессия (серьезные аналитики, такие как Дуайт Эйзенхауэр, ее не ожидали), а рабоче-крестьянское антифашистское сопротивление с его радикальными демократическими идеалами. В Грецию после эвакуации нацистов вступили британские войска. Насажденный ими коррумпированный режим вызвал новую волну сопротивления, и Британия, уже не имевшая после войны прежней силы, не смогла с ним справиться. В 1947 году в ситуацию вмешались США, развязавшие кровопролитную войну, в которой погибло 160 тысяч человек (подробнее см. [Гражданская война в Греции](#)). Греция оказалась в лапах американских инвесторов и местных бизнесменов, а для немалой доли населения единственным способом выжить стала эмиграция.

В 1954 году ЦРУ спровоцировало в Гватемале переворот, превративший страну в крошечный ад. Она живет в аду и по сей день (подробнее см. [Операция PBSUCCESS](#)).

Учитывая все это, понять политику США в третьем мире нетрудно. Мы последовательно противостоим демократии, если не можем контролировать ее результаты. Проблема с настоящими демократиями сводится к тому, что они склонны заражаться ересью ответственности правительства перед собственным населением, а не перед американскими инвесторами.

Угроза доброго примера. Американский бизнес не заметил бы исчезновения Никарагуа с карты мира. То же самое можно сказать о Сальвадоре. Тем не менее США варварски вторглись в обе эти страны, что стоило сотен тысяч жизней и миллиардов долларов. На то есть причина. Чем страна слабее и беднее, тем более опасным примером она может стать. Если крохотная нищая Гренада в силах обеспечить своему народу лучшую жизнь, то другие страны, обладающие более внушительными ресурсами, могут спросить: «Почему не мы?» Американские планировщики от госсекретаря [Дина Ачесона](#) в конце 1940-х годов до сегодняшних не устают предостерегать, что «одно гнилое яблоко может испортить всю бочку».

Без понимания того, что представляет собой наша борьба против индустриальных конкурентов и третьего мира, внешняя политика США предстает чередой случайных ошибок, непоследовательных действий и неразберихи. На самом деле наше руководство неплохо решает те задачи, которые оно на себя взвалило, в границах их осуществимости.

Политика добрососедства. Применение террора глубоко въелось в наш характер. Еще в 1818 году Джон Куинси Адамс восхвалял «спасительную эффективность» террора как средства борьбы с «дикими ордами необузданных индейцев и с неграми». Он писал это в оправдание бесчинств Эндрю Джексона во Флориде, где тот практически истребил туземное население и установил в этой испанской провинции американский контроль, произведя своей мудростью сильное впечатление на Томаса Джефферсона.

Первый шаг — это применение полиции. Она играет неопределимую роль, так как способна обнаруживать недовольство на ранней стадии и устранять его до того, как придется прибегнуть к «обширному оперативному вмешательству» (так это называется в документах планировщиков).

Если без такого вмешательства уже не обойтись, то в действие приводится армия. Когда армия латиноамериканской страны выходит из-под контроля — особенно это относится к карибско-центральноамериканскому региону, — то наступает очередь свержения правительства. Один и тот же сценарий повторился в Сальвадоре, Никарагуа, Гватемале, Панаме, Гренаде.

Прививка Юго-Восточной Азии. Война США в Индокитае тоже была частью общей схемы. В 1948 году Государственный департамент откровенно признал, что Вьетминь, антифранцузское Соппротивление под руководством Хо Ши Мина, представляет собой вьетнамское национальное движение. Но Вьетминь не пожелал уступать контроль местной олигархии. Он выступал за независимое развитие и пренебрегал интересами иностранных инвесторов.

Существовала опасность успеха Вьетминя, грозившая «распространением гнили» и заражением вирусом всего региона, если пользоваться языком, к которому из года в год прибегали планировщики. Агрессии боялись считанные безумцы и простофили, но был и настоящий страх — положительного примера успешного развития.

Как действовать при угрозе вируса? Сначала уничтожить его, потом сделать прививку потенциальным жертвам для предотвращения распространения заразы. При возможности лучше поручить уничтожение вируса местным военным. Если такой возможности нет, приходится задействовать собственные силы. Это дороже, это некрасиво, но ничего не поделаешь. Вьетнам оказался одним из тех мест, где пришлось поступить именно так.

В октябре 1991 года США в очередной раз преодолели энергичные возражения своих союзников в Европе и Японии и продлили эмбарго и санкции против Вьетнама. Третий мир должен зарубить себе на носу, что поднимать голову там не позволено никому. Мировой жандарм будет неустанно карать тех, кто посмеет совершить это страшное преступление.

Война в Персидском заливе. Когда Ирак вторгся в Кувейт в августе 1990 года, Совет Безопасности ООН немедленно осудил его и наложил суровые санкции. Почему ООН прореагировала так стремительно и беспрецедентно твердо? ООН смогла ответить на агрессию Ирака потому, что — в кои-то веки — это позволили сделать Соединенные Штаты. Долгие годы ООН оставалась заблокированной великими державами, в первую очередь США, а не Советским Союзом и тем более не третьим миром. После 1970 года США накладывали вето на гораздо большее количество резолюций Совета Безопасности, чем любая другая страна (на втором месте Великобритания, на третьем — Франция, а Советский Союз только на четвертом).²

США отказывались от прекращения иракской агрессии мирными средствами, которых требует международное право. Они предпочитают избегать дипломатических средств и идти путем насилия. Действительно, сверхдержава, которую ничего не сдерживает, непременно возобладает над противником из числа стран третьего мира.

Цели США пользуются в третьем мире очень слабой поддержкой. Это неудивительно, ведь мы пытаемся навязывать структуры превосходства и эксплуатации. Дипломатическое решение непременно отвечает, по крайней мере частично, интересам других участников переговоров, что является проблемой, если ваши позиции не находят поддержки. Поэтому США обычно стараются избегать переговоров. Вопреки пропагандистским утверждениям на протяжении многих лет это происходило в Юго-Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Центральной Америке. На таком фоне вполне естественно, что администрация Буша-старшего относится к военной силе как к главному политическому рычагу и предпочитает ее санкциям и дипломатии, как, например, при кризисе в Персидском заливе.

Как была устроена «холодная война». Вопреки настойчивым уверениям национальная безопасность не была главной заботой официальных планировщиков и выборных официальных лиц. Это полностью подтверждается историческими сведениями. Мало кто из серьезных аналитиков обращал внимание на откровение Джорджа Кеннана, что «нам угрожает не военная мощь русских, а их политическая власть» (октябрь 1947 года), или на не раз высказанное президентом Эйзенхауэром убеждение, что русские не планируют военное завоевание Западной

² По официальным данным (см. [Вето в Совете Безопасности](#)) за период 1970–2014 я насчитал 79 вето у США, 24 у Великобритании, 21 у СССР/РФ, 13 у Франции и 9 у Китая.

Европы, и что главная роль НАТО состоит во «внушении населению доверия, которое делает его политически тверже перед лицом коммунистических поползновений».

Таким образом, в ключевых отношениях «холодная война» представляла собой негласное соглашение между Советским Союзом и Соединенными Штатами, по которому США вели свои войны против третьего мира и контролировали своих союзников в Европе, а советские лидеры держали железной хваткой свою внутреннюю империю и сателлитов в Восточной Европе. Стороны пользовались друг другом для оправдания репрессий и насилия в своих владениях.

В «холодной войне» были существенные элементы конфликта между Севером и Югом (пользуясь современным эвфемизмом европейского завоевания мира). «Холодная война» завершилась, а конфликты Севера и Юга продолжают. Многочисленные наблюдатели, характеризуя кризис в Персидском заливе, говорили, что США и Великобритания отныне могут свободно прибегать к неограниченной силе против их врага — третьего мира, так как могут больше не оглядываться на СССР. Конечно, конец «холодной войны» приносит свои проблемы. Пришлось менять технологию контроля за собственным населением.

Одним из заменителей исчезающей «империи зла» стала угроза, исходящая от латиноамериканских наркоконтрабандистов. Воздействие на общественное мнение было моментальным. Когда Буш-старший выиграл выборы в 1988 году, люди назвали самой насущной проблемой страны бюджетный дефицит. Наркотики в качестве таковой назвали только три процента. После обработки в массмедиа озабоченность бюджетом резко снизилась, зато наркотики стали тревожить уже 40–45% респондентов, что весьма необычно для так называемого «открытого» вопроса (без подсказки ответа).

Когда теперь то или иное государство-клиент сетует, что правительство США недодает ему денег, то речь идет уже не о «необходимости остановить русских», а об опасности наркотрафика. Этот враг, подобно прежней советской угрозе, оказывается удобным оправданием для военного присутствия США там, где действуют повстанцы или происходят волнения.

Война — это мир. Свобода — рабство. Невежество — сила. Политическая терминология обычно двусмысленна. Одно значение термина словарное, другое — то, которое полезно для обслуживания власти, то есть доктринальное. Взять, например, слово «демократия». Здравый смысл подсказывает, что общество демократично в той степени, в какой народ может осмысленно участвовать в управлении своими делами. Доктринальное значение иное: демократия — это система, при которой решения принимают секторы бизнес-сообщества и связанная с ними элита. Общество превращается из участника в зрителя, как объясняют ведущие теоретики демократии, в данном случае Уолтер Липпман. Ему дозволяется утверждать решения его «лучших представителей» и наделять поддержкой тех или иных среди них, но не вмешиваться в суть дела: политика государства — не его ума дело.

Если какие-то сегменты общества пробуждаются от апатии, организуются и начинают выходить на арену, то это не демократия, а, говоря технически, «кризис демократии», угроза, которую надо так или иначе преодолеть: в Сальвадоре для этого применяются «эскадроны смерти», в США — более тонкие, не настолько прямолинейные действия. Или взять «свободное предпринимательство» — термин, практически подразумевающий систему общественного субсидирования и частного присвоения при массивном вмешательстве правительства в экономику для поддержания государства, существующего для социального вспомоществования богатым. Фактически любая фраза, содержащая слово «свободный», на самом деле означает нечто противоположное его буквальному значению.

Социализм реальный и мнимый. Можно спорить о значении термина «социализм», но если у него вообще есть смысл, то это — контроль над производством со стороны самих работников, а не хозяев и менеджеров, управляющих ими и принимающих все решения, что на капиталистическом предприятии, что в абсолютистском государстве.³

³ Мне очень понравилось определение, данное Хесусом Уэрта Де Сото в книге [Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция](#). Социализм — любая система институциональной агрессии (вмешательства) против свободы человеческой деятельности или предпринимательства.

Присвоение Советскому Союзу определения «социалистический» — интересный случай доктринальной демагогии. Большевистский переворот октября 1917 года отдал государственную власть в руки Ленина и Троцкого, а те поспешно разгромили социалистические институты, зарождавшиеся в ходе народной революции предшествовавших месяцев: фабричные комитеты, выборные Советы и вообще все органы народного управления.

У двух главных пропагандистских систем мира было много разногласий, но обе использовали термин «социализм», говоря о немедленном разрушении большевиками всех элементов социализма. Это неудивительно. Большевики называли свою систему социалистической, эксплуатируя моральный престиж социализма. Запад использовал тот же термин, решая противоположную задачу: опорочить страшившие его либертарианские идеалы, ассоциируя их с большевистскими застенками.

С крушением советской системы появляется возможность возрождения живой и сильной либертарианской социалистической мысли.

Многое изменилось. Важно признать, что за последние тридцать лет многое изменилось в результате народных движений. Мы наблюдаем теперь больше открытости и понимания, больше скепсиса, больше вопросов к власти. Разумеется, это обоюдоострые тенденции. Они могут вести к независимости мысли, к организации народа и к давлению, приближающему назревшие институциональные изменения. А могут и стать массовой базой испуганных людей, требующих новых авторитарных вождей.

Что в ваших силах. Демонстрации, письма, голосование — все это в зависимости от ситуации очень полезно. Главное — настойчивость и организованность. Если сходить на демонстрацию, а потом вернуться домой, это уже кое-что, но те, у кого власть, это переживут. Для них невыносимы настойчивое, нарастающее давление, последовательно действующие организации, люди, извлекающие уроки из происходящего и действующие всякий раз все успешнее

Новая глобальная экономика. У глобализации два важных последствия. В индустриальные страны переносится модель третьего мира. Второе последствие связано со структурами управления. На протяжении истории они группируются вокруг иных форм власти — в современном мире в основном вокруг власти в экономике. Есть национальная экономика — есть и национальные государства. А теперь, в эпоху интернациональной экономики, происходит переход к интернациональному государству. У него появляются собственные институты, такие как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк, большая семерка». Вся эта структура принятия решений действует в интересах транснациональных корпораций, международных банков и др. Одновременно это сокрушительный удар по демократии.

Кому выгодны НАФТА и ГАТТ? Североамериканское соглашение о свободной торговле [НАФТА](#) почти наверняка приведет к снижению экологических стандартов. Жизнь резко ухудшится, зато прибыли снова вырастут. НАФТА принимает следующий вид: непреложная защита прав собственности, никакой защиты прав рабочих, методы противодействия охране среды обитания.

Продовольствие и «экономические чудеса» третьего мира. Например, Чили — большое экономическое чудо. Уровень бедности вырос там с 20% во времена Сальвадора Альенде (демократически избранного президента-социалиста, убитого в 1973 году при поддержанном США путче) до 40% после «великого чуда». Примерно то же самое можно сказать и о других странах. Таковы последствия «фундаментализма МВФ». Он приводит к катастрофическим результатам повсюду, где применяется.

Корни расизма. Некоторые марксисты называют расизм продуктом экономической системы. Я не согласен. Тут дело в завоевании, в угнетении. Когда вы кого-то грабите, угнетаете, диктуете, как ему жить, то редкий человек способен сказать: «Я — чудовище. Я делаю это ради моего собственного блага». Гиммлер и тот этого не говорил. Стандартный способ формирования взглядов связан с угнетением, не важно, швыряете вы жертв в газовые камеры, обдираете в ближайшей лавке или делаете что-то среднее. Ваша стандартная реакция такова: «Все дело в их безнравственности. Поэтому я так поступаю. Возможно, для их же блага». Но если дело в безнравственности этих людей, то в них обязательно должно присутствовать нечто отличающее их от меня. Я свободен в выборе этого различия.

А потом это перерастает в расизм. Всегда можно что-то найти — хотя бы другой цвет волос или глаз, ожирение, не говоря о нетрадиционной сексуальной ориентации. Главное — найти явное отличие. Можно и наврать, это упрощает дело. Вот сербы и хорваты. Их невозможно различить. Пользуются разным алфавитом, но говорят на одном языке. Принадлежат к разным ветвям христианской церкви. Вот, собственно, и все. Но многие из них готовы убивать друг друга, считая это высочайшей жизненной миссией.

Человеческая природа и самооценка. Расизм — благоприобретенный или врожденный порок? Я не утверждаю, что расизм сидит у нас в генах; но в генах заложена потребность в защите своей самооценки. Вероятно, в нашей природе заложена тяга найти способ так переосмыслить все, что мы делаем, чтобы с этим можно было жить.

Парадокс Юма. Вопрос: По вашим словам, истинной драмой после 1776 года стало «неутомимое наступление немногих преуспевающих на права беспокойного множества». Хочу спросить вас об этом множестве: есть ли у него на руках хоть какие-то карты?

А как же! Оно одерживает множество побед. Теперь страна гораздо свободнее, чем двести лет назад. Во-первых, больше нет рабства. Это огромное изменение.

Дефектная демократия. Вопрос: Вы цитируете американского философа и просветителя Джона Дьюи. Что он говорит о демократии? Дьюи был одним из последних поборников джефферсоновского подхода к демократии. В начале XX века он писал, что демократия не самоцель, а средство, при помощи которого народ открывает, расширяет и провозглашает свою фундаментальную человеческую природу и человеческие права. Демократия коренится в свободе, солидарности, свободном выборе труда и способности участвовать в общественном порядке. Он говорил, что демократия порождает настоящих людей. Они и есть главное производное демократического общества.

Вопрос: Что вы думаете об Интернете? По-моему, в нем есть и положительное, и такое, что меня настораживает и тревожит. Это интуитивная реакция, доказательств у меня нет, но мне кажется, что поскольку люди — не марсиане и не роботы, прямой, личный контакт нос к носу остается крайне важным элементом человеческой жизни. Он помогает развивать понимание самого себя и других, способствует формированию здоровой личности.

Одно дело — ваши отношения с людьми, когда вы на них смотрите, и совсем другое — при вызове символов от щелканья по клавиатуре. Подозреваю, что расширение таких абстрактных, удаленных отношений вместо прямого персонального контакта окажет на людей нежелательное влияние, уменьшит их человеческую составляющую.

Вопрос: Какова роль и функции спорта в американском обществе? Во-первых, зрительский спорт делает людей пассивнее, вы же не сами играете, а смотрите, как играют другие. Во-вторых, он порождает шовинизм, причем порой самый крайний. В США очень фундаменталистское общество, похожее по градусу религиозного фанатизма на Иран. Например, процентов семьдесят пять населения США, думаю, попросту верят в дьявола.

Несколько лет назад проводился опрос об эволюции. У людей спрашивали, как они относятся к различным теориям зарождения живой природы. Верящих в эволюцию по Дарвину набралось меньше 10 процентов. Примерно половина населения верит в христианскую доктрину эволюции по Божественному промыслу. Остальные, похоже, вообще того мнения, что мир создан пару тысяч лет назад. Мы видим, что сейчас происходит в других частях мира. Подъем так называемого исламского фундаментализма является в значительной степени результатом крушения светских националистических альтернатив, либо дискредитированных изнутри, либо вообще уничтоженных.

Общее благо. Мысль, что большое богатство и демократия несовместимы, пронизывает все Просвещение и классический либерализм, ее высказывали в том числе такие фигуры, как де Токвиль, Адам Смит, Джефферсон и другие. Она была более-менее очевидной. Аристотель предупреждал, что если при совершенной демократии есть немного очень богатых людей и много очень бедных, то бедные воспользуются своими демократическими правами, чтобы отнять у богатых собственность. Считая это несправедливым, Аристотель предлагал два решения: уменьшить бедность или ужать демократию.

Свобода. Вопрос: Слово «свобода» стало чуть ли не синонимом капитализма, как в названии книги Милтона Фридмана «Капитализм и свобода» (см. также Милтон Фридман. [Свобода выбирать](#)).

Старое мошенничество! Милтону Фридману хватает ума, чтобы знать, что никакого капитализма никогда не бывало, а если бы он вдруг возник, то не прожил бы и трех секунд — сам бизнес не позволил бы. Корпорации требуют сильного правительства, защиты от рыночной дисциплины, само их существование — удар по рынкам.

Если оглянуться на всю историю современного экономического развития, то окажется, что буквально все без исключения сторонники «свободных рынков» хотят, чтобы они работали для бедных, для среднего класса — но не для них самих. Правительство субсидирует затраты корпораций, оберегает их от рыночных рисков и позволяет присваивать прибыль.

Миф о тяжелых временах. Вопрос: Ральф Нейдер называет республиканцев и демократов братьями-близнецами.

Между двумя партиями бизнеса никогда не было большой разницы. Год за годом стираются последние различия. С моей точки зрения, последним президентом-либералом был Ричард Никсон.

Массмедиа.

Самый хитрый способ добиться от людей пассивности и покорности — это резко ограничить спектр допустимых мнений, зато внутри этих рамок позволять пламенные дебаты и даже поощрять наиболее критические, диссидентские взгляды. Это дает людям ощущение торжества свободомыслия, но при этом краеугольные камни системы дополнительно укрепляются благодаря неукоснительному соблюдению пределов допустимой дискуссии.

Миф о задолженности третьего мира. Вопрос: Почему в отличие от южноамериканских стран иностранный долг не стал такой обузой для развивающихся стран Восточной Азии?

В Японии, Южной Корее и на Тайване подконтрольны не только трудящиеся и бедняки, но также капитал и богачи. Взятые ими в долг шло на капиталовложения за рубежом, а не на экспорт капитала. Япония не разрешала экспорт капитала, пока страна не восстановилась. Так же поступала Южная Корея. В Латинской Америке худшее в мире неравенство доходов, тогда как в Восточной Азии оно минимальное. Типичный латиноамериканский импорт — предметы роскоши для богатых, а восточноазиатский — капиталовложения и технологии. Такие страны, как Бразилия и Аргентина, потенциально богаты и могущественны, но если они не сумеют как-то обуздать своих богачей, то им никогда не избавиться от бед.

Международные организации. Договор Уругвайского раунда, приведший к учреждению ВТО, называется договором о свободной торговле, хотя на самом деле это в большей степени договор о правах инвесторов. США хотят применять правила ВТО там, где они рассчитывают доминировать, и, конечно, способны отменить любое правило, которое их не устраивает. Например, некоторое время назад США принудили Мексику сократить экспорт помидоров. Это нарушение правил НАФТА и ВТО, грозящее мексиканским производителям убытками в миллиард долларов в год. Официальным объяснением была продажа мексиканских помидоров по ценам, с которыми не могут конкурировать американские производители.

Верны ли термины левые и правые? Пропагандистская система обесмысливает терминологию. Вопиющий пример последних лет — исчезновение слова «прибыль». Прибылей больше нет, остались одни рабочие места. Поэтому, когда Клинтон привез из Индонезии 40-миллиардный контракт для «Эксон», пресса болтала о рабочих местах для американцев. Какие прибыли «Эксон»? Забудьте! Стоимость активов «Эксон» резко выросла, но это только потому, что инвесторы пришли в восторг от новых рабочих мест... Это сознательное обесмысливание, и в эту ловушку попадают даже левые, говоря о том, что конгрессмены голосуют за Пентагон, выбивая рабочие места для своих округов. Разве конгрессмены озабочены рабочими местами, а не прибылями и государственными субсидиями для фирм?

Что в наших силах. Вопрос: Вы сказали: «Система очень слаба. Она выглядит сильной, но ее легко изменить». В чем вы видите эту слабость?

Она видна на любом уровне. Людям система не нравится. Как говорилось выше, 95 процентов американцев считают, что корпорациям следует пойти на сокращение своих прибылей в пользу работников и местностей, где они функционируют: 70 процентов полагают, что у бизнеса слишком много власти, 80 процентов — что у трудящихся мало возможностей участвовать в происходящем, что экономическая система по сути несправедлива, а правительство бездействует, заботясь только о богатых.

Корпорации — главная система власти на Западе — существуют согласно уставам, утверждаемым штатами. Имеются юридические механизмы аннулирования этих уставов и передачи корпораций под рабочий или местный контроль. Для этого потребовалось бы демократически организованное общество, и этого не бывало уже сто лет. Но права предоставлены корпорациям судами и юристами, а не законодательством, поэтому нынешняя система власти может быть очень быстро размыта.

Волшебный ответ. Вопрос: Должны ли мы, делая что-то, иметь четкое представление о долгосрочной цели, чтобы разработать стратегию?

Мы учимся методом проб и ошибок. Нельзя вот так, с ходу, на основании нынешнего понимания, взять и провозгласить: «Конструируем либертарианское общество!» Нужно научиться двигаться к цели шаг за шагом. Как в любом аспекте жизни, больше делаешь — больше узнаешь. Взаимодействуя с другими людьми, вы создаете организации, откуда вытекают новые проблемы, новые методы — и новые стратегии.

Если бы кто-то смог предложить исчерпывающую общую стратегию, то все пришли бы в восторг, вот только за последние пару тысяч лет такого что-то не бывало. Если бы Маркса спросили, какова стратегия свержения капитализма, он бы посмеялся. (Очень созвучно с методом проб и ошибок, о котором говорит Карл Поппер в книге [Предположения и опровержения. Рост научного знания.](#))